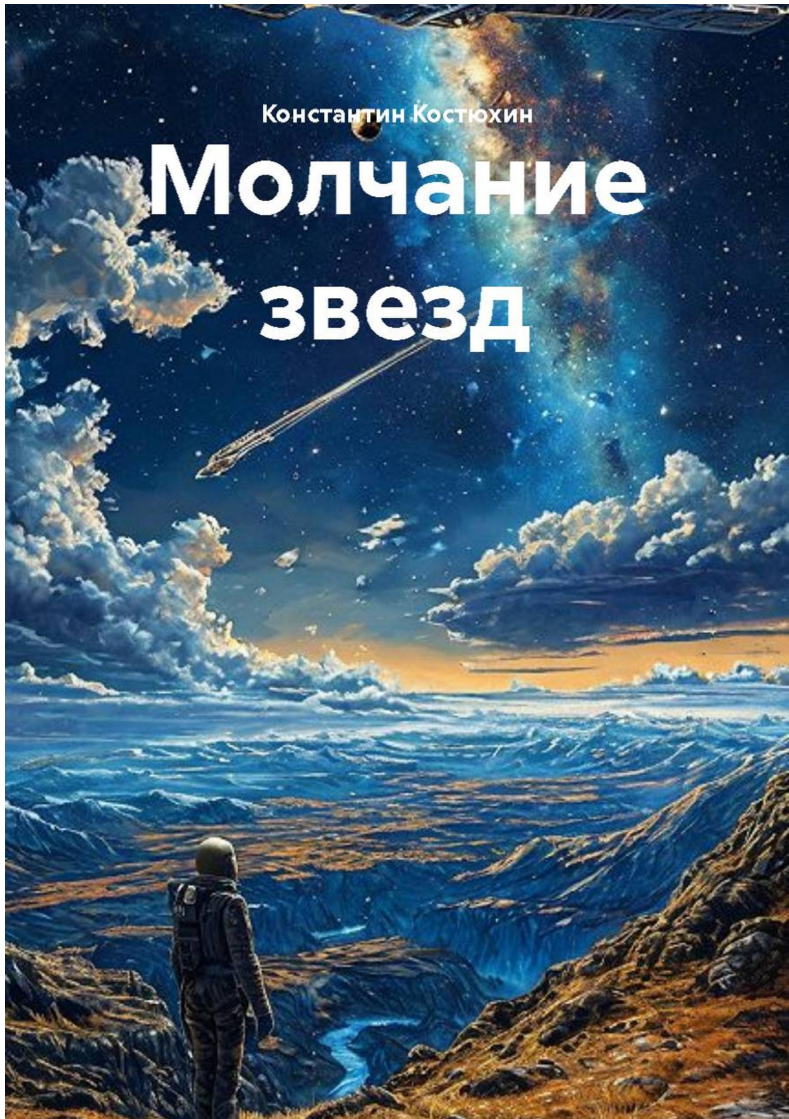

Константин Костюхин

Молчание звезд

Константин Костюхин

Молчание звезд

<https://litres.ru/74160418>

SelfPub; 2026

Аннотация

Где все? Этот вопрос мучает человечество с тех пор, как мы впервые посмотрели в небо. Сборник рассказов «Молчание звезд» - это не сухая научная диссертация, а скорее разговор по душам о главной космической загадке. Автор, ученый и инженер, перебирает самые разные версии: от жутковатых (цивилизации кончают с собой, осознав бессмысленность своего существования) до забавных (вселенная просто забита бюрократами, которые устали оформлять документы). А что, если мы, на самом деле, первые, кто дорос до космоса, и теперь должны присматривать за инопланетными «детьми»? Или если разумная жизнь существует, но в микромире, и мы ее просто не замечаем? Здесь есть место и иронии, и грусти, и чистому восторгу перед космосом. Без занудства и сложных формул, просто истории о том, почему мы так одиноки (или все-таки нет).

Содержание

Предисловие	4
Галактический клуб самоубийц	7
Кто-то должен стать первым	21
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Константин Костюхин

Молчание звезд

Предисловие

Мое отрочество пришлось на конец восьмидесятых — начало девяностых. Время было смутное, странное. Страну лихорадило, все вокруг рушилось и перекраивалось, а люди думали в первую очередь о том, как выжить, как приспособиться к новым реалиям. Наука, особенно фундаментальная, вдруг стала казаться ненужной абстракцией.

Но у меня и моих единомышленников (с некоторыми у меня до сих пор сохранились теплые дружеские отношения) был свой мир, в который можно было на время уйти от этой неразберихи. Мир, состоящий из книг и звезд. Мы зачитывались классиками фантастики: Рэй Брэдбери, Иван Ефремов, Айзек Азимов, Станислав Лем, братья Стругацкие. Их книги были окнами. Они заставляли задуматься о множестве вопросов. И главным из этих вопросов для меня, самым тихим и, в то же время, оглушительным, был вопрос о молчании Вселенной. Если миров так много, если жизнь возможна, то где все?

Этот книжный мир находил свое прямое продолжение в двух московских локациях. Мы с друзьями ходили в аст-

рономические кружки при Московском Планетарии и при Московском Городском Дворце Пионеров на Ленинских горах. Там царила иная реальность — не земная суэта, а строгий и прекрасный порядок небесной механики, астрофизики и космогонических гипотез.

Мне очень повезло с Учителями. Их двое, и без них ничего бы не было.

Станислав Васильевич Широков, лектор Планетария, вел наш кружок. Он был астрономом-теоретиком до мозга костей. У него была удивительная сила раскрывать доступным языком самую идею космоса. Он учил нас понимать масштабы, видеть взаимосвязи, мыслить категориями галактик и эпох. Его спокойный голос в полутьме лекционного зала превращал абстрактные понятия в осязаемую, почти мистическую картину мироздания.

Владимир Васильевич Чичмарь, наш любимый ВВЧ, преподавал во Дворце Пионеров. Он тоже был блестящим теоретиком, но с другим, живым и энергичным подходом. Он умел заразить азартом мысли. Мы могли спорить с ним о деталях теории горячей Вселенной или о свойствах спутников Марса, и он относился к нашим юношеским гипотезам с полной серьезностью. Он преподавал астрономию не как набор фактов, а как живое, развивающееся знание, полное белых пятен и парадоксов. Именно в его кружке парадокс Ферми из книжной фантастики перешел в разряд насущных научных проблем, о которых можно и нужно думать.

Потом была учеба на мехмате МГУ, работа в сфере IT и программной инженерии. Мир цифровых систем и алгоритмов оказался удивительно похож на теоретические модели Вселенной — та же строгость, та же красота внутренней логики. Я всегда следил и слежу за новостями астрономии и астрофизики. Каждое открытие новых экзопланет, каждый уточненный параметр, лишь усиливают тот самый детский вопрос. Великое Молчание стало только громче и весомее на фоне наших растущих знаний.

Предлагаемая серия рассказов — моя попытка как-то собрать воедино все эти пласты жизни. Любовь к фантастике, заложенную в детстве. Благодарность педагогам, давшим инструменты для мысли. Профессиональный взгляд инженера-программиста, привыкшего строить модели. И насущный, неотпускающий вопрос науки нашего времени: «Где они?».

Здесь нет моих личных ответов. Скорее, это популярное изложение современных гипотез, облеченное в форму коротких историй. Это способ думать вслух о самой, пожалуй, важной загадке, с которой столкнулось человечество. Способ продолжить тот разговор, который когда-то начался под куполом Планетария и в кабинете на Ленинских горах. Если в моих рассказах есть крупица того восхищения Вселенной и той строгости мысли, которым учили мои наставники, значит, я выполнил свою задачу.

Галактический клуб самоубийц

Пролог: Возвращение «Скитальца»

Корабль вернулся из бездны через сто двадцать тысяч лет. Он возник на окраине Солнечной системы тихо, как призрак, его корпус, покрытый шрамами микрометеоритов и космической пылью, молчаливо свидетельствовал о немыслимых просторах и времени. Автоматика, верная последнему приказу давно истлевшей в прах команды, вышла на связь. Голос, лишенный эмоций, произнес на архаичном языке: «Экспедиционный корабль „Скиталец“. Миссия „Глизе-581“. Возвращаюсь с данными. Планета-кандидат Глизе-581g была обитаема. Цивилизации присвоено кодовое обозначение „Архитекторы“. Обнаружены руины древнего города, охватывающего целый континент. Признаков жизни нет. Причина исчезновения не установлена. Передаю архив».

На Земле, в Куполе Памяти на бывшем плато Наска, эти данные легли на стол к Главному Архивариусу, человеку по имени Алексей Смирнов. Алексей изучал переданные «Скитальцем» изображения. Город Архитекторов не был похож ни на что, виденное человечеством ранее. Это не были здания в человеческом понимании. Это были гигантские, гео-

метрически идеальные структуры, похожие на кристаллы, выращенные по законам неевклидовой геометрии. Они переливались в свете далекого красного карлика Глизе-581, и их пустота была зловещей. Не было ни следов разрушений, ни признаков войны, ни эрозии. Была лишь стерильная, совершенная безжизненность.

«Скиталец» не был первым. Он был уже восемнадцатым кораблем-первопроходцем, вернувшимся из многовековых странствий. И семнадцать предыдущих принесли с собой ту же историю, написанную на разных языках камня, металла и энергии: «Здесь была жизнь. Здесь был разум. Их больше нет». Галактика Млечный Путь, как выяснилось, изобиловала призраками.

Глава 1: Бремя Наследия

Алексей Смирнов жил в эпоху, которую историки назвали «Тихим Вечером». Люди давно перешагнули пик своего технологического развития. Они покорили болезнь, старение, голод. Они научились управлять климатом и тектоникой. Их города, безупречно вписанные в ландшафт, были шедеврами биотехнологий и симбиотического дизайна. Но звезды, которые манили их предков, стали для них источником глубочайшей меланхолии.

Проблема была в самой физике. Скорость света оказалась не просто барьером, а абсолютной, непреодолимой стеной.

Корабли поколений, подобные «Скитальцу», были пределом возможного. Они летели десятки и сотни тысяч лет, неся в анабиозе или в виде замороженных эмбрионов целые цивилизации в миниатюре. Достигнув цели, они исследовали ее, собирали данные и отправлялись в обратный путь, чтобы еще через сотни тысячелетий их далекие потомки, возможно, услышали весточку от предков.

Это был героизм, лишенный всякого смысла. Вернувшийся корабль заставлял мир, который забыл о его запуске. Цивилизация, отправившая его, давно лежала в руинах, сменявшись новыми культурами, народами. Диалог со звездами был монологом, растянутым на миллионы лет, адресованным в никуда.

Алексей вызвал свою коллегу и друга, Ли Цзы, астробиолога и философа. Они стояли под прозрачным куполом, глядя на ночное небо, усеянное звездами-могильщиками.

— Еще один, — сказал Алексей, проводя рукой по голограмме с данными «Скитальца». — Архитекторы. Они были гениями, укротившими гравитацию. Их архитектура... Она нарушает локальность. Они, кажется, умели искривлять пространство на микроуровне. И все равно... Их нет.

Ли Цзы, чье лицо хранило спокойную, ясную печаль, кивнула.

— Наблюдения подтверждаются, Алексей. Они достигают некоего порога. Порога полного понимания. И исчезают. «Клуб самоубийц». Гипотеза становится законом.

— Но почему? — голос Алексея звучал почти отчаянно. — Что они видят за этим порогом? Что заставляет цивилизацию, способную перестраивать планеты, просто выключить свет?

— Может, они видят то же, что и мы, но отказываются мириться с этим, — тихо сказала Ли Цзы. — Одиночество. Бессмысленность. Галактику-тюрьму. Мы научились жить с этой мыслью. Мы приняли свою клетку и превратили ее в сад. А они, возможно, были слишком горды, чтобы смириться.

Человечество, в лице своих лучших умов, уже прошло через это откровение столетия назад. Позже тот период назовут «Эпохой Экзистенциального Кризиса». Узнав о невозможности сверхсветовых путешествий и увидев первые данные с кораблей-первопроходцев о мертвых мирах, люди утратили веру в контакт с инопланетными цивилизациями. Стали возникать логичные вопросы. Зачем стремиться к звездам, если тебя ждет только вечное одиночество и смерть в далеком будущем? Зачем развивать науку, если она лишь подтверждает твое заточение?

Ответом человечества стало «Великое Отречение». Люди не уничтожили себя, как те, кого они находили. Они сознательно свернули с пути экспансии и тотального познания. Они выбрали жизнь в гармонии с собой и своей планетой. Науку направили на самопознание, искусство, углубление человеческого опыта. Они нашли смысл не в покорении

Вселенной, а в осмыслении каждого мгновения своего существования.

Но тихий ужас от открытий кораблей-призраков никуда не делся. Он витал в воздухе, как фоновая радиация.

— «Скиталец» принес не только данные, — сказал Алексей, вызывая новую голограмму. — Он принес артефакт. В центре их города была структура. Совершенно стабильная. Мы ее назвали «Монолит Архитекторов». Она не поддается нашему анализу. Но вот ее квантовая сигнатура... Она совпадает с сигнатурой артефактов, похожих Монолитов, найденных в системе Kepler-61 и у звезды Тау Кита.

Ли Цзы замерла.

— Общий знаменатель? Ключ?

— Возможно, — Алексей посмотрел на нее. — Совет Старейшин санкционировал новую экспедицию. Не корабль поколений. Один корабль. «Зов Предков». Мы уже давно перестали исследовать дальний космос. Сейчас мы сможем подготовить только миссию в один конец. Совет поручил сформировать команду добровольцев. Их задача — долететь до Глизе-581, изучить Монолит и остаться там. Вернуться назад они не смогут. Полученные данные команда передаст по радиоканалу.

— Жертва, — прошептала Ли Цзы.

— Ради знания, — подтвердил Алексей. — Чтобы мы, наконец, поняли, что за сила выносит приговор всем, кто поднимает голову к звездам.

Глава 2: Миссия «Зов Предков»

Корабль «Зов Предков» был шедевром инженерной мысли прошедшей эпохи «Великого Отречения». Он не был гигантом, как «Скиталец». Это было изящное, стремительное судно, несущее в себе квинтэссенцию человеческих знаний и технологий. Его экипаж состоял из ста человек, отобранных из миллионов добровольцев. Среди них был и молодой физик-теоретик Чжан Вэй, чей ум жаждал последней загадки, даже если разгадка станет его эпитафией. Командовала экспедицией опытная исследовательница, женщина с холодным умом и негибаемой волей — Мария Петрова.

Проводы были тихими и торжественными. Не было толпиликующих людей, не было речей о покорении галактики. Было понимание. Понимание того, что эти люди улетают на верную смерть, чтобы оставшиеся могли жить с чуть меньшей тайной в сердце.

Путь до Глизе-581 занял четыре тысячи лет. Для экипажа, погруженного в искусственный сон, время остановилось. Для Земли — сменились эпохи. Когда «Зов Предков» достиг цели своего долгого путешествия, его сенсоры уперлись в ту же картину, что видела команда «Скитальца».

Планета Глизе-581g, гладкая, как бильярдный шар, покрытая фантазмагорическими кристаллическими структурами, молчала. Корабль вышел на орбиту. Разведчики спу-

стились на поверхность.

Чжан Вэй ступил на почву другого мира. Воздух был чистым и стерильным. Ни пылинки, ни микроба. Строения Архитекторов подавляли своим масштабом и совершенством. Чжан шел по проспектам, ширина которых была выверена с точностью до планковской длины, и чувствовал, как его человеческая сущность бунтует против этой безжизненной гармонии.

В центре города, на площади, с которой открывался вид на багровый диск местного солнца, стоял он. Монолит. Черный, матовый, не отражающий свет. Высотой около тридцати метров. Его форма была простой — прямоугольный параллелепипед. Но эта простота была обманчива. Взгляд на него вызывал головокружение, словно мозг отказывался воспринимать его истинные геометрические свойства.

Мария Петрова отдала приказ о разворачивании оборудования. Сканеры, работающие со всеми возможными видами излучения, подошли вплотную. И... Ничего. Монолит был непроницаем. Он не поглощал и не излучал энергию. Он просто стоял безмолвным символом древней цивилизации. Абсолютно инертный объект в сердце мертвого города.

— Может, это просто памятник? — предположил один из исследователей, инженер Чак Джонс.

— Нет, — Чжан Вэй не отрывал взгляда от черной поверхности. — Он активен. Я чувствую это. Он не взаимодействует с нашими приборами, потому что наши приборы для

него — как каменный топор для квантового компьютера.

Дни шли. Команда билась над загадкой, а Монолит хранил молчание. Отчаяние начало подкрадываться к ним. Они проделали такой длинный путь, чтобы упереться в глухую, немую стену.

И тогда Чжан Вэй, отчаявшись, сделал нечто иррациональное. Он отложил все приборы, подошел к Монолиту и просто положил на него ладонь.

Холод. Абсолютный, не физический, а метафизический холод пронзил его. И в его сознании вспыхнул свет.

Это не был голос или образ. Это был поток чистого знания, вливаемый непосредственно в нейронную сеть его мозга. Он не понимал его, он переживал его. Он увидел Галактику глазами Архитекторов.

Он увидел рождение звезд, не как хаотический процесс, а как строгое следование уравнениям, чьи параметры были predeterminedены с рождения Вселенной. Он увидел, как жизнь, редкая, но неизбежная вспышка, возникает на подходящих планетах. Он увидел, как разум, пройдя через все стадии развития, неизменно приходит к одному и тому же открытию.

Они познали законы физики. Все законы. Они поняли, что скорость света — это не просто константа, а фундаментальный принцип причинности. Нарушить ее, значит разрушить саму ткань реальности. Они видели гигантские расстояния между звездами и понимали, что даже с их технологи-

ями, любая коммуникация будет криком в пустоту, растянутым на сотни тысяч лет. Они осознали неминуемую тепловую смерть Вселенной и увидели конечную точку — вечную тьму, абсолютный ноль, конец всякой сложности и мысли.

И они задали вопрос: «Зачем?»

Зачем бороться, творить, любить, если в конце концов все обратится в прах? Зачем искать других, если любой контакт будет подобен перекрикиванию двух глухих через океан, причем оба знают, что океан скоро поглотит их навсегда?

И Архитекторы, как и десятки цивилизаций до них, пришли к выводу: нет никакого смысла. Цель, к которой инстинктивно стремится любой разум — познать все, объединиться со всем, победить смерть — оказалась иллюзией. Вселенная была не враждебна, она была безразлична. И в этой безразличности заключался самый страшный приговор.

Их ответом было не уничтожение в порыве отчаяния. Это был спокойный, рациональный, коллективный акт. Они создали Монолит, свой кенотаф и предупреждение. Они отключили свои машины, растворили свой коллективный разум и вернули свою планету в стерильное, идеальное состояние. Они выбрали небытие по собственной воле, вместо того чтобы дожидаться, пока его навяжет безразличная Вселенная. Они ушли в тишину, осознав тщетность любого звука.

Поток информации прекратился. Чжан Вэй рухнул на землю. Пережитое им отчаяние целой цивилизации было настолько ярким, что он понял все. «Клуб самоубийц» был не

гипотезой. Он был законом. Финал для любого разума, достаточно умного, чтобы задать главный вопрос, и достаточно гордого, чтобы не принять ответ. От волнения Чжан потерял сознание.

Глава 3: Сигнал сквозь Вечность

Чжан Вэй пришел в себя в лазарете корабля. Мария Петрова и другие члены команды смотрели на него с тревогой. Он попытался объяснить. Слова были жалкими и неуклюжими, но суть они уловили.

— Значит, это правда, — тихо произнесла Мария. — Тупик. Конец пути.

— Да, — прошептал Чжан Вэй. — Они показали мне нашу судьбу. Вернее, судьбу, которую мы избежали, выбрав «Великое Отречение».

Они передали данные. Всю информацию, полученную Чжаном, перекодировали в упрощенный формат и направили мощным радиосигналом в сторону Земли. Сигнал, несущий весть о последнем и самом страшном открытии, отправился в свое путешествие сквозь пустоту.

Миссия была завершена. У «Зова Предков» оставалось топлива лишь на то, чтобы найти себе вечную стоянку. Они выбрали один из спутников Глизе-581g, ледяной мир. Там они построили колонию. Маленький, хрупкий островок жизни в море мертвой материи. Они знали, что их род рано или

поздно прервется навсегда. Но они жили. Любили, рожали детей, изучали окружающий их, такой незнакомый, но ставший им родным, мир чужой звезды, писали стихи и музыку. Они нашли свой, человеческий смысл в тени величайшей бессмысленности.

Прошли тысячелетия. Колония на спутнике давно превратилась в прах. «Зов Предков» стал еще одним призраком на орбите мертвой планеты.

А на Земле, через двадцать лет после передачи, сигнал был получен. Алексей Смирнов и Ли Цзы давно умерли, сменились поколения Архивариусов. Но их наследие жило. Данные с «Зова Предков» были изучены и проанализированы.

Не было паники. Не было отчаяния. Было глубокое, пронзительное понимание. Человечество окончательно осознало свою роль во Вселенной. Они не были ее хозяевами. Они не были ее целью. Они были ее редкими, хрупкими и прекрасными свидетелями.

И тогда люди сделали то, чего не делала ни одна из цивилизаций, оставивших после себя Монолиты. Они не стали создавать свой собственный Монолит. Они создали Капсулу.

Это был не артефакт для передачи знания о бессмысленности. Это было послание о смысле, найденном вопреки всему. Внутри нее хранились семена земных растений, образцы ДНК, полные записи произведений земного искусства, музыки, литературы, философии. И короткий текст, составленный еще Алексеем Смирновым и Ли Цзы на основе их дога-

док, которые теперь были подтверждены:

«Тем, кто будет жить после. Мы не знаем, существуете ли вы. Мы — человечество. Мы узнали, что Вселенная огромна, холодна и безразлична. Мы узнали, что мы одиноки. Мы узнали, что любая цель, которую мы можем перед собой поставить, в масштабах космоса — ничто. И тогда мы выбрали иную цель. Ценность самого мгновения. Ценность жизни, любви, красоты. Мы не покорили галактику. Мы поняли ее. И, поняв, решили, что наша маленькая голубая планета и миг, данный нам для существования, — это величайшее чудо, которое только можно вообразить. Если вы нашли это — живите. Ваша цель — в вас самих. Не ищите нас среди звезд. Мы здесь, на Земле, в каждом дуновении ветра, в каждом шелесте листвы, в каждом биении сердца. Мы были. И этого достаточно».

Эпилог: Бутылка в Космическом Океане

Капсулу поместили на борт последнего корабля, который когда-либо построило человечество. Его называли «Последний Посол». Это был небольшой автоматический зонд, несущий в себе лишь двигатель, систему навигации и Капсулу. Его целью был центр Млечного Пути, район Стрельца А*, где плотность звезд была максимальной и где, согласно расчетам, вероятность возникновения жизни была выше.

Запуск наблюдала вся планета. В тишине, нарушаемой

лишь ветром, «Последний Посол» поднялся в небо и исчез в черноте космоса. Его путешествие к центру Галактики займет миллионы лет. Никто из тех, кто наблюдал за его стартом, не доживет до момента его прибытия. Возможно, его никогда не найдут. Возможно, человечество к тому времени тоже уйдет в небытие, следуя общему закону, но сделав свой, уникальный выбор — не самоуничтожения, а тихого, достойного угасания после долгой и насыщенной жизни.

Но сам факт запуска был важен. Это был не крик в пустоту. Это был шепот. Шепот, в котором не было ни вызова, ни отчаяния, а лишь спокойная констатация: «Мы были. Мы чувствовали. Мы любили. И нам этого хватило».

Человечество продолжило свой Тихий Вечер. Люди смотрели на звезды, зная, что те хранят молчание не потому, что там никого нет, а потому, что те, кто был, не смогли вынести тишины. И в этом знании была не грусть, а странная, умиротворяющая печаль и безмерная благодарность за то, что они, люди, смогли найти в себе силы просто быть, любить и ценить мимолетную красоту своего мира.

А в глубинах космоса, у далекого красного карлика Глизе-581, черный Монолит Архитекторов все так же стоял, храня в своей немой твердыне отчаяние цивилизации, которая предпочла небытие жизни без грандиозной цели.

И где-то на полпути к центру Галактики, в полной, абсолютной темноте, маленький корабль «Последний Посол» продолжал свой вечный путь, неся в себе весть о цивилиза-

ции, которая, оказавшись в «Клубе самоубийц», нашла в себе силы не нажать на курок, а выйти из клуба, захлопнув за собой дверь, и пойти домой, в свой сияющий, хрупкий и бесконечно дорогой мир.

Кто-то должен стать первым

(Записки проф. Ивана Сергеевича Федотова, астробиолога, составленные в состоянии мягкой тоски и стойкого недомогания перед лицом Вселенской Несообразительности)

Мысль о том, что человечество может быть одиноко во Вселенной, посещала многих философов, фантастов и особо меланхоличных астрономов после третьего стакана виски. Но мысль эта была, что называется, чисто умозрительной, домашней, уютной. Примерно, как размышление о собственной смерти где-нибудь в солнечный полдень: тревожно, но абстрактно. Все изменилось, когда у нас появились средства не просто думать об одиночестве, а методично, с казенным усердием, его искать.

Проект «Дарвин» был порождением редкого и опасного союза: грандиозного научного замысла и бездонного государственного бюджета, возникшего после того, как люди, наконец, устали воевать между собой и решили, что пора воевать со скукой. Идея была проста и элегантна, как удар кирпичом. Разослать в ближайшие окрестности галактики рой автономных зондов, разогнанных до околосветовых скоростей с помощью серии термоядерных взрывов (метод, который наши инженеры ласково окрестили «пинком под зад импульсом макроскопической нейтронной детонации»). Зонды должны были фотографировать, нюхать, сканировать и, са-

мое главное, слушать. Слушать эфир на всех мыслимых и немислимых частотах в надежде уловить хоть что-то, что не похоже на естественный рев космоса: болтовню, музыку, а лучше всего, военные переговоры или рекламу, что, по общему мнению социологов, было бы наиболее надежным признаком развитого разума.

Работа над проектом породила невиданные доселе бюрократические структуры. Был создан Международный Центр по Исследованию Внеземной Жизни (МЦИВЖ), который немедленно оброс Комитетом по Этике Первого Контакта, Подкомитетом по Лингвистической Подготовке к Неизвестным Морфологиям, Комиссией по Дизайну Универсальных Подарков (споры о том, посылать ли диски с Бетховеном или подборку лучших выпусков популярных реалити-шоу, едва не привели к третьей мировой войне) и, конечно же, Ревизионной Инспекцией по Расходу Гелиевого Охладителя для Антенн.

Зонды улетали. Годы текли. Данные приходили огромными, но разочаровывающими порциями. Мы открывали горы, где должны были быть города, и реки, где могли бы плавать флотилии. Мы находили метан, аммиак, сложные углеводороды, словом, всю кухню жизни, но, по-видимому, повара на этой кухне были слишком ленивые. В какой-то момент Центр стал походить на гигантскую службу знакомств, которая рассылает миллионы писем и не получает ни одного ответа. Наш моральный дух поддерживался лишь бесконеч-

ными симуляциями, семинарами на тему «Что делать, если Они ответят завтра?» и регулярными проверками из Счетной Палаты, интересовавшейся, на что именно ушли триллионы, если мы до сих пор не поймали ни одного зеленого человечка с хорошими или плохими намерениями.

Ваш покорный слуга оказался во главе этого титанического, в прямом смысле слова, сумасшедшего дома, по воле случая, а также потому, что вовремя опубликовал статью «О вероятностных параметрах возникновения ксеногенных экосистем в условиях гипергравитации», которая всем понравилась, хотя никто, включая автора, до конца ее не понял.

И вот, наконец, поступили данные с последнего и самого совершенного зонда «Дарвин-42». Они должны были поставить точку. Или, как мы тогда еще наивно полагали, жирный, ликующий восклицательный знак.

Расшифровка и анализ сырых данных заняли полгода. Моя команда, лучшие умы планеты, превратилась в сонмище бледных, небритых призраков, живущих на кофе и транквилизаторах. Мы видели во сне спектрограммы. Мы разговаривали друг с другом уравнениями. И по мере того как картина прояснялась, в наших лабораториях воцарялась странная, гнетущая атмосфера. Не шок. Не ужас. Скорее, глубокая, всепроникающая неловкость. Как если бы вы, го-

товясь к приему важного, таинственного гостя, вымыли весь дом, приготовили роскошный ужин, натянули лучший костюм, а гость... Просто не пришел. И даже не позвонил. И вы сидите в полной тишине, в одиночестве, и чувствуете себя немного глупо.

Результаты уместились на нескольких слайдах. Но за ними стояли терабайты статистики, петабайты изображений, зеттабайты надежд, разбитых в прах.

Биомаркеры были. О, да! Красные точки (прокариотная жизнь, археи) расцвели на карте Млечного Пути, как плесень на забытом в погребе сыре. Более двухсот тысяч миров! Вселенная, оказывается, кишит микроскопическими, бессловесными, весьма неопрятными в экологическом смысле организмами. Это было ободряюще, но примерно так же, как если бы, ища собеседника, вы обнаружили, что весь мир населен исключительно амебами, пусть и в невероятном разнообразии.

Оранжевые точек на карте было много меньше. Кислородная атмосфера, эукариоты, возможно, многоклеточные водоросли. Пять тысяч планет на уровне земного протерозоя. То есть, по сути, гигантские, покрытые слизью аквариумы, где уже миллиарды лет идет вялотекущая, лишенная драматизма возня одноклеточных. Ни тебе динозавров, ни тебе трилобитов. Сплошной планктонный застой.

И наконец, желтые точки. Пять штук. Кремниевый Святой Грааль. Планеты, где жизнь, судя по всему, выбралась на

сушу (где это было возможно, разумеется). На одной даже был намек на лишайники! Представьте: целая планета, вся в лишайниках! Восторг ботаника и абсолютное фиаско для любого, кто надеялся на межзвездные переговоры. Лишайники, надо заметить, известны своей скупостью на радиопередачи.

А вот синих и зеленых точек, тех, что обозначали бы техногенную деятельность: радиоизлучение, ядерные реакции, мегаструктуры, не было. Совсем. Ноль. Пустота. Цифра столь абсолютная, что вызывала не отчаяние, а нечто вроде суеверного трепета. Как будто мы наткнулись на вселенский закон: «Жизнь — пожалуйста. Разум — как повезет». И, похоже, позавидовать галактической сноровке в этой азартной игре смог бы любой наперсточник.

Проверяли все. Перепроверяли. Заставляли алгоритмы искать не только очевидные сигналы, но и намеки: регулярные затемнения звезд (возможно, от сфер Дайсона, построенных существами, не знающими, куда девать энергию), тепловые аномалии геометрической формы (города, заводы, гигантские сковородки, в конце концов), следы искусственных изотопов в атмосферах (ядерные испытания, как известно, верный признак юного, импульсивного разума). Ничего такого.

Именно тогда ко мне пришло прозрение. Мы искали не там и не то. Мы, со всеми нашими антеннами и спектрометрами, уподобились дикарям, которые, услышав в джунглях

шум водопада, решили, что это говорят боги, и потратили годы, пытаясь разобрать слова в этом реве. А богов не было. Был просто водопад. Великий, даже величественный, но абсолютно бессмысленный и безразличный к слушателям Космический Водопад Жизни.

Мне предстояло доложить это коллегам и миру. Как? Сказать: «Мы одни»? Это было бы некорректно с научной точки зрения и банально с философской. Нет, нужно было объяснить ПОЧЕМУ. И объяснение, как это часто бывает, родилось из каталога наших неудач.

Я представил себе галактику не как гостеприимный дом для разума, а как гигантский, плохо спроектированный испытательный полигон, полный ловушек, тупиков и курьезов. И нарисовал в уме цепь фильтров. Но не великих и ужасных, как в старых страшилках, а мелких, абсурдных, нелепых. Фильтров галактической неуклюжести.

Фильтр первый. Условия. Жидкая вода, стабильная орбита. Довольно часто. Вселенная щедра на примитивные аквапарки.

Фильтр второй. Случайная сборка первой молекулы, умеющей копировать себя. Сложнее, но учитывая квадриллионы планет и миллиарды лет — это почти неизбежно. Отсюда и та самая плесень на карте-сыре.

Фильтр третий. Эукариотная клетка. Вот здесь начинается фарс. На Земле на это ушло два миллиарда лет! Два миллиарда лет прокариоты плавали в теплом супе, обменивались генами, но мысль о том, чтобы завести себе ядро и нанять симбиотическую бактерию для выработки энергии, не посещала их с завидным постоянством. Большинство миров застревают на этом этапе навечно, и становятся одноклеточными империями, лишенными амбиций и архитектурного гения.

Фильтр четвертый. Многоклеточность. Еще более изысканная причуда. Из тысяч кандидатов мы увидели только пять намеков. Почему? Потому что для многоклеточности нужно не просто сбиться в кучу. Нужно выработать правила общежития, специализацию, отказаться от личной свободы во имя общего блага. А это, как показывает история, противоестественно для любой формы жизни, которая только-только научилась себя копировать. Большинство миров предпочитают оставаться анархическими сообществами одноклеточных эгоистов. И, надо сказать, процветают.

Но допустим, чудо случилось. Многоклеточные существа возникли. И вот здесь вступают в силу фильтры особого, технического свойства, которые я окрестил «Фильтрами Кос-

мического Невезения».

Пример первый. Суперземля в системе HD 143361. Гравитация 1.8 g. Жизнь там пошла по пути тотальной милитаризации. Каждое существо — это ходячая крепость с экзоскелетом толщиной в камень. Нервная ткань? Слишком хрупкая, энергозатратная и уязвимая. Зачем нервы, если можно реагировать на стимулы прямой химической передачей, пусть и с задержкой в несколько часов? Их эволюция — это гонка брони, а не интеллекта. Они могут быть невероятно сложны внутренне, но они тупы, как пробка, и к технологиям не способны в принципе. Их высшим достижением будет научиться катиться под уклон. Даже если на подобных планетах и появятся разумные существа, которые захотят полететь к звездам, то чтобы развить хотя бы первую космическую скорость, им придется построить ракету величиной с небольшую гору.

Пример второй. Планета-океан в системе TRAPPIST-1. Глубина глобального океана составляет сорок километров. Тьма, давление, отсутствие твердой поверхности и, главное, минералов. Местные существа, похожие на светящихся медуз, создали невероятно сложную систему взаимодействия, основанную на вспышках биолюминесценции и градиентах солености. Если когда-нибудь они смогут эволюционировать до разумной цивилизации, то, возможно, создадут эпические поэмы, записанные паттернами флуоресценции. Не исключено, что у них появится своя философия, исследующая

природу Трех Течений (теплого, холодного и соленого). Но у них нет и не может быть камня, металла, огня. Их технологический потолок — это улучшение собственного свечения. И они никогда не узнают, что есть что-то кроме Вечного Океана.

Пример третий. Kepler-438b. Температура у поверхности +280°C, но в верхних слоях атмосферы, в вечных облаках из сернокислых аэрозолей, парят колонии существ, похожих на воздушные шары. Они фильтруют аэропланктон. Их мир не имеет верха и низа, только градиенты плотности и кислотности. У них нет горизонта, нет звезд, нет понятия «твердая поверхность». Если опять же предположить, что со временем в них забрезжит разум, то основным предметом их науки станут атмосферные течения и химические градиенты. Идея создать инструмент, не являющийся частью их тела, для них будет так же абсурдна, как для нас идея оторвать и выбросить собственную печень, чтобы та пошла и что-нибудь для нас смастерила.

И тут я подошел к самому главному. К нашему миру. К Земле. Почему у нас получилось?

Ответ был простым и обескураживающим. У нашего процесса эволюции просто были «правильные» поломки в «правильное» время.

1. Гравитация. Достаточно сильная, чтобы удержать атмосферу, и достаточно слабая, чтобы позволить существу с хрупким скелетом встать на задние лапы и освободить пе-

редние для манипуляций. А в дальнейшем, и полететь в космос. Это не заслуга, это случайность.

2. Луна. Гигантский удар, оторвавший кусок планеты, стабилизировал ось вращения, создал приливы, мощнейший стимул для жизни вылезти из воды и начать ползать по илистой отмели, ругаясь и жалуясь на неудобства.

3. Юпитер. Наш космический дворник. Он, во-первых, своей гравитацией вычистил с внутренней орбиты много мусора, который мог бы постоянно бомбардировать Землю, не давая жизни развиваться. А во-вторых, и это ключевое, он «съел» большую часть материала, который мог бы собраться в еще одну планету рядом с нами или увеличить массу самой Земли. Если бы не Юпитер, мы, скорее всего, были бы суперземлей с гравитацией в 2-3 g, и нашим высшим достижением была бы постройка двухэтажных коттеджей. Юпитер, сам того не желая, стал нашим космическим спонсором, обеспечив нам идеальные планетарные условия.

4. Прозрачная атмосфера. Мы видим звезды! Это не само собой разумеющееся. Огромное множество потенциально обитаемых миров закутаны в плотное одеяло облаков, сквозь которое виден лишь размытый блин светила. А мы видим черное небо, светящиеся точки звезд, движение планет. Это породило астрономию, а с ней физику и математику. Это дало нам цель и масштаб.

Мы, увы, не являемся вершиной эволюции. Мы, скорее, каприз, курьез, случайный набор параметров, которые поз-

волили одной из ветвей жизни на одной из планет зайти так далеко в своем технологическом трюкачестве, что она начала посылать консервные банки к другим звездам, чтобы искать там себе подобных трюкачей. А их, как выяснилось, нет.

И вот я стою в переполненном конференц-зале. Воздух гудит от ожидания. Я вижу знакомые лица. Здесь и маститые ученые, мечтающие о Нобелевке за первый контакт, и журналисты, готовые к сенсационным заголовкам, и просто любопытные, надеющиеся, что сейчас мир волшебным образом изменится навсегда.

Я начал. Спокойно, без эмоций, как полагается ученому, излагающему факты. Красные точки, оранжевые. Цифры. Зал сначала оживлен, потом затихает. Когда я произношу фразу о полном отсутствии техносигнатур, наступает тишина, которую можно резать на куски и продавать как образец акустического вакуума.

И тогда я перехожу к фильтрам. К нашим, земным, я подхожу с особым, ироничным пафосом.

— Коллеги! — восклицаю я. — Мы смотрим на нашу планету как на серийное изделие. Но давайте посмотрим на нее как инженеры на удачный образец, получившийся в результате череды незапланированных аварий. У нас была поломка гравитационного регулятора (спасибо, Юпитер!), при-

ведшая к довольно низкой массе. У нас был сбой в системе охлаждения, приведший к образованию прозрачной атмосферы. У нас был случайный удар, создавший гигантский спутник-стабилизатор. Наша биосфера — это результат миллиардов лет проб, ошибок и чудовищных катастроф, которые, по счастливой случайности, вытолкнули одну из линий развития в сторону увеличения нейронной сложности. Наше существование — это не закономерность. Скорее, сбой в матрице. Ошибка, которая обрела самосознание и теперь с тоской ищет в коде Вселенной другие подобные ошибки, чтобы обсудить с ними свою нелегкую судьбу.

Я рассказываю про пять желтых точек. Зал начинает тихо посмеиваться. Абсурдность ситуации доходит до них. Представление о том, что где-то есть цивилизации, которые могли бы изобрести квантовую телепортацию, но не додумались до колеса, потому что живут в океане, или которые создали сложнейшую философию, но не имеют понятия об ориентации в пространстве, потому что живут в облаках — это смешно. Это грустно.

— Мы искали цивилизации, которые, по нашей наивной статистике, должны были возникнуть до нас, — говорю я. — Но мы ошиблись в статистике. Мы взяли наш уникальный, аварийный, курьезный путь и экстраполировали его на всю нашу галактику. Это антропоцентричная ошибка уровня «все инопланетяне должны быть гуманоидами, потому что у нас две ноги и по пять пальцев на конечностях». Данные

говорят, что земной путь — это аномалия. Цепочка счастливых (для нас) поломок. Мы не видим сигналов не потому, что все молчат или скрываются. Мы не видим их потому, что их просто нет. Еще нет. А может, и никогда не будет на тех мирах, что мы нашли. Их эволюция пошла по другим, весьма причудливым тропам.

В зале повисает неловкая пауза. Как после хорошей, но несколько обескураживающей шутки.

— Что это значит? — спрашивает кто-то из прессы. — Нас ждет скучное одиночество?

— Нет, — качаю головой я. — Нас ждет великая, но невероятно скучная ответственность. Парадигма меняется кардинально. Мы не дети, ищущие в галактике взрослых наставников, которые помогли бы нам написать контрольную работу. Мы внезапно обнаружили, что являемся самыми взрослыми в этом районе. Мало того, мы, похоже, единственные, кто вообще дорос до штанов. И нашей ролью теперь является не поиск, а наблюдение. Изучение. Каталогизация этого гигантского, немого, бестолкового космического зоопарка. А также, возможно, в далеком-предалеком будущем, осторожное, ненавязчивое наставничество. Когда-нибудь, через сотни миллионов лет, на одной из тех оранжевых или желтых точек может дернуться какая-нибудь многоклеточная масса и породить нечто мыслящее. И если человечество к тому времени не перессорится, не вымрет от скуки или не превратится в чисто информационную субстанцию, парящую в вир-

туальной реальности, наш долг — быть готовыми. Не вмешиваться грубо, но аккуратно, ненавязчиво, подсунуть знание. Стать теми самыми «Странниками», которые будут ставить сложные задачи и следить за ходом их решения.

Я включаю последний слайд. Простую диаграмму.

— Обычная биологическая жизнь во Вселенной, по крайней мере, в нашей галактике, распространена, как грязь. Разумная, технологическая жизнь — нет. Наша цивилизация, похоже, первая. Это не трагедия. Это, скажем так, определение должностных обязанностей. Кто-то должен стать первым. Кто-то должен вести журнал наблюдений, следить за порядком в безмятежном, но абсолютно бестолковом космическом зоопарке. Эту роль Вселенная, в результате бесконечной цепи абсурдных случайностей, отвела нам. И наша задача — не рвать на себе волосы от отчаяния, а вздохнуть, закатать рукава и начать работать. Возможно, однажды, это кому-нибудь пригодится.

Доклад закончился. Аплодисментов не было. Было несколько недоумевающих улыбок и множество задумчивых лиц. Вдруг, в задних рядах раздался громкий смех. Это хохотал старый профессор-математик, известный своими исследованиями в области теории игр.

Прошло несколько недель. Мир не сошел с ума. Не нача-

лись массовые истерики или восстания против науки. Произошло нечто иное: всеобщее, глобальное разочарование, быстро сменившееся ворчанием и поиском новых занятий. Финансирование проектов по поиску внеземного разума, типа SETI, резко урезали. Зато финансирование проектов по детальному изучению экзобиосфер, «космической бактериологии», взлетело до небес. Оказалось, куда интереснее и дешевле изучать инопланетные лишайники и облака микробов, чем ждать сигнала от молчаливого философа с Тау Кита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.